

Содержание

А. М. Ранчин
Предисловие

7

Том первый

25

Том второй

381

Примечания

755

Словарь имен

840

Словарь

851

С 1856 по 1863 г. Толстой писал роман о декабристах (были написаны три первые главы). Роман строился на противопоставлении людей старого времени, «14 декабря», с их энергией и молодостью души, нынешнему апатичному поколению. (Такого рода антитеза ранее встречалась в «Двух гусарах».) Главный герой романа, вернувшийся из сибирской ссылки Пьер Лабазов, и его жена Наташа напоминают будущих героев «Войны и мира» — Пьера Безухова и Наташу Ростову.

Корни событий 14 декабря 1825 г. автор романа увидел в событиях Отечественной войны 1812 г. — времени духовного пробуждения русского народа, единения дворянства и простых людей в борьбе с иноземным врагом. Но изображать победоносную и славную для русского оружия войну 1812 г., не упоминая о проигранных русскими кампаниях 1805 и 1807 г., Толстой считал нечестным. Так возник замысел романа «Война и мир». Роман писался и перерабатывался Толстым на протяжении 1863–1869 гг. (издан в 1865–1869 гг., в изданиях 1873 и 1886 гг. в текст были внесены некоторые изменения)¹.

1 Начало будущего романа, озаглавленное «1805 год», было напечатано в журнале М. Н. Каткова «Русский вестник» (1865. № 1, 2; 1866. № 2, 3, 4, 5). Это будущий первый том. В первом издании 1867–1869 гг. текст «Войны и мира» был разделен на 6 томов, в 1868–1869 гг. было напечатано второе отдельное издание, в текст романа автор внес некоторые стилистические изменения. В 1873 г. в третьем издании «Войны и мира» текст был разделен на четыре тома, а историко-философские главы вынесены в отдельное приложение, названное «Статьи о кампании 1812 года»; было удалено большинство французских реплик из речей персонажей. В издании 1886 г. эти главы были вновь внесены в основной текст книги, а французская речь восстановлена. (Издание осуществлялось, однако, практически без участия автора, после духовного перелома начала 1880-х гг. утерявшего прежний интерес к своему творчеству; текст готовила С. А. Толстая, ее консультировал критик Н. Н. Страхов.) Большинство текстологов — исследователей творчества Толстого признают каноническим текст изданий 1868–1869 и 1886 гг., но с учетом стилистической правки в издании 1873 г. Именно так напечатан роман в Полном собрании сочинений в 90 т. (т. 9–12, два тиража: 1930–1933; 1937–1940) и (с существенными исправлениями) в Собрании сочинений в 20 т. (т. 4–7, 1961–1963). Этот текст

На протяжении семи лет работы над романом замысел Толстого претерпевал серьезные изменения. Было отброшено первоначальное заглавие «Три поры», отражающее намерение изобразить такие эпохи, как период войн с Наполеоном, время декабристского движения и 1856 г., год возвращения сосланных декабристов из Сибири. Центром произведения становились события 1812 г. Отказался автор и от более позднего заглавия «Все хорошо, что хорошо кончается», рождающего ненужные ему ассоциации с традиционным семейным романом со счастливой развязкой и с историческими романами в духе В. Скотта, завершавшимися свадьбой героя и героини. В рукописи произведения конца 1867 г. наконец появляется всем известное название «Война и мир» — но слово «мир» здесь написано чере «i», «mip» (в печатном же тексте было написание «мир»). В отличие от слова «мир», означающего отсутствие войны, «mip» значило «вселенная, род людской, общество»¹. В заглавии романа это слово многозначно, сохраняя смыслы, присущие и «миру», и «миру».

Кутузов, лукавый царедворец, каким его первоначально хотел изобразить Толстой, превратился в величественного и простого «старого человека», стал символом эпохи 1812 г. Эта перемена совершилась, по признанию автора, под влиянием общения с крестьянскими детьми в Яснополянской школе: для детей фельдмаршал был «свой», любимый «дедушка». Очень непохож в планах и ранних редакциях романа «молодой человек» — офицер, будущий князь Андрей Болконский. Первоначально Толстой предполагал описать его гибель в Аустерлицком сражении, затем отказался от этого намерения. Также очень переменялись по мере работы автора над романом Анна Павловна Шерер и княгиня Друбецкая (вначале изображенные с симпатией), Наташа Ростова (в образе которой еще не было чарующей и пленительной поэтичности), Пьер Безухов (первоначально не бывший любимым героем Толстого)².

воспроизведен в издании: *Толстой Л. Н.* Собрание сочинений: В 22 т. М., 1979–1981. Т. 4–7.

Однако это решение признается не всеми текстологами. Известный исследователь творчества Л. Н. Толстого Н. К. Гудзий полагал, что каноническим должно считать текст издания 1873 г. — последнего отражающего авторскую волю.

1 *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1995. Т. 2. И–О. С. 330–331.

2 О творческой истории «Войны и мира» см. прежде всего: *Зайденишнур Э. Е.* «Война и мир» Л. Н. Толстого: Создание великой книги. М., 1966, а также статью Э. Е. Зайденишнур в 16-ом т. Полного собрания сочинений в 90 т. (с. 19–141) и статью Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова в 7-ом томе Собрания сочинений в 22 т. (с. 367–401). Список основной литературы о «Войне и мире» (научные исследования, научно-популярные книги, пособия для учителей, книги-комментарии) см. в изд.: *Война из-за «Войны и мира»:*

Работа над романом была проделана грандиозная. Изменения вносились даже в последний момент, в корректуру. В ответ на сетования издателя П. И. Бартенева автор признавался: «Не марать так, как я марая, я не могу, и твердо знаю, что маранье это идет в великую пользу... То именно, что вам нравится, было бы много хуже, ежели бы не было раз 5 перемарано».

«Война и мир» мало похожа на классический роман. Автор в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”» (1868) противопоставлял свое произведение и роману, и поэме (очевидно, подразумеваемая поэма в прозе, наподобие «Мертвых душ» Н. В. Гоголя), и исторической хронике: «“Война и мир” есть то, что хотел и мог выразить автор в той форме, в которой оно выразилось». Толстой предпочитал называть свое произведение просто «книгой». В ней нет традиционного любовного треугольника, любовного или социального конфликта как основы сюжета. Обычно ключевыми элементами романа — кульминацией или развязкой — были дуэль, женитьба или смерть персонажей. Не так у Толстого. Роман заканчивается не описанием свадьбы Пьера и Наташи или Николая и Марьи, а, казалось бы, случайной сценой — изображением сна Николеньки, сына князя Андрея. В этом сне соединились в одно лицо два главных героя — князь Андрей и Пьер Безухов, и сон предвещает бедствия Пьера — будущего декабриста. Этот странный, необычный роман имеет открытый финал — будущее семьи Пьера и Наташи неизвестно и лишь смутно угадывается. Не внешние перемены в судьбах героев, а их духовная эволюция, их нравственные поиски составляют подлинное содержание “Войны и мира”.

Две основные линии “Войны и мира” — история двух друзей — Пьера Безухова и Андрея Болконского. Две эти линии соединяет образ юной графини Наташи Ростовой — невесты князя Андрея, позднее, спустя время после его смерти, — жены Пьера¹. Черта любимых героев Толстого — способность к движению и к духовному росту. И Пьер, и князь Андрей освобождаются от ложных идей благодаря

Роман Л. Н. Толстого в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 475–476.

1 «<...> [Д]ве главные семьи романа представляют много общего с предками Л<ьва> Н<иколаевича> как со стороны матери, так и со стороны отца. “Наташа”, и то почти списана Л. Н. с натуры. Много черт в нее вошло из типа его свояченицы, меньшей сестры графини, теперь Татьяны Андреевны Кузминской; вошли также в нее и черты графини С<офьи> А<ндреивны>. По ее словам, Л<ев> Н<иколаевич> так выражался про Наташу: “Я взял Таню, перетолок ее с Соней, и вышла Наташа». — *Бирюков П. И.* Биография Льва Николаевича Толстого. Изд. 3-е, испр. и доп. М.; Пг., 1923. Т. 2. С. 16.

общению с простыми русскими людьми. Для князя Андрея это капитан Тушин и подчиненные ему солдаты-артиллеристы, с которыми Андрей познакомился в сражении с Наполеоном при Шенграбене. Пьеру высшую ценность простоты открывают солдаты, которых он видит на Бородинском поле. Солдат Платон Каратаев помогает понять Пьеру, что смысл жизни — в ней самой, в ее простых и естественных радостях, в интуитивном доверии к жизни, в смиренном приятии выпадающих ему бед.

Естественность в романе Толстого противопоставлена ложной, поверхностной жизни. Проста и естественна Наташа Ростова — юная “графинечка”, самозабвенно исполняющая русский народный танец. Просты, чужды актерства и фальши русские солдаты, совершающие подвиги по-будничному, без единой мысли о славе. Прост русский полководец Кутузов, олицетворяющий, как и Платон Каратаев, полноту обретенного смысла жизни. К этой простоте, к освобождению от мелких и эгоистических чувств движутся и Андрей, и Пьер. Андрей, смертельно раненный при Бородине, обретает бесконечную любовь ко всем людям, а затем, накануне кончины, — полную отрешенность от всех земных забот и волнений, высшую умиротворенность. Открытая им истина любви к Богу неотмирна, и, зная ее, герой может только умереть. Эта истина беспечальная, рождающая спокойно-равнодушное отношение к людям, к земным привязанностям, к оставляемой временной жизни¹.

Пьер находит покой и счастье в тихой семейной жизни с Наташей. Но его искания не окончились: разочаровавшийся в одном «кружке», в масонстве, герой Толстого теперь погружается в деятельность тайного общества. Не очевидно, что этот выбор безусловно истинен. Но важно само движение Пьера к правде. В 1857 г. Толстой занес в дневник запись: «Истина в движенъи — только». Судьба Пьера — воплощение этой мысли.

1 «Какая простая и поистине прекрасная, неподражаемая картина смерти! Ни в прозе, ни в стихах мы не знаем ничего равного этому описанию. <...> ...[Э]то тихое и спокойное “*пробуждение от сна жизни*”. Глядя таким взглядом на смерть, умирать не страшно. Человек уходит отсюда, и это хорошо. И чувствуешь, что это хорошо, и окружающие это чувствуют, что это в самом деле хорошо, что это прекрасно. Одно это представление дает нам чувствовать в мирозерцании автора нечто иное, не похожее на мировоззрение целой плеяды других наших писателей <...>», — написал об этом Н. С. Лесков в статье «Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому» (1869). — *Лесков Н. С. Собрание сочинений*: В 11 т. М., 1958. Т. 10. С. 101–102.

Анализу предсмертных мыслей и умирания князя Андрея в сопоставлении с религиозными мотивами других сочинений Л. Н. Толстого посвящена книга Б. Бермана «Сокровенный Толстой» (М., 1992).

Любимым персонажам Толстого противопоставлен великий позер Наполеон, увлеченно играющий роль “великого человека”. Его напоминают многочисленные “наполеоны” и “наполеончики” – русский император Александр I, сановник Сперанский, фрейлина Анна Шерер, семейство Курагиных, разыгрывающие любовь карьерист Борис Друбецкой и расчетливая Жюли Карагина и многие другие. Эти персонажи наделены преувеличенным представлением о собственном значении, они внутренне пусты и бесчувственны. Они испытывают жажду славы, чисто плотскую страсть, заботятся о карьере, любят красиво и много говорить. И они не знают любви к ближнему, не чувствуют высшего смысла жизни.

Роман Толстого моралистичен, и автор вершит над героями свой строгий и неотменяемый суд: утратой власти наказан Наполеон; смертью детей – Элен и Анатоля – князь Василий Курагин и его супруга. Семейство Курагиных вымарывается, истребляется со страниц книги бытия, в то время как Николаю и Марье Ростовым, Пьеру и Наташе Безуховым создатель романа дарует долгую жизнь, счастливое отцовство и материнство.

Однако автор «Войны и мира» судит героев с некоей особенной позиции, далекой от традиционного нравственного ригоризма. Отзывчивая, благодарная, милая Соня обречена на вечное девичество не потому, что дурна душевно, но потому что лишена жизненной силы, являясь, по словам Наташи, «пустоцветом». Толстому симпатичен заурядный Николай Ростов, живущий, как заведено в той среде, с которой он себя отождествляет. (Это, прежде всего, гусарское «братство».) Симпатичен энергией, страстью, волей к жизни. Этическое в «Войне и мире» во многом производно от витального, от этой любви к бытию и к его радостям.

Любимые герои писателя далеко не идеальны. Наташа, сначала подетски влюбленная в Бориса Друбецкого, потом полюбившая князя Андрея и почти сразу увлеченная чувственной страстью к Анатолю, а вскоре после того испытывающая зарождающуюся любовь к Пьеру, внешне напоминает любвеобильную Элен. Кутежи и разврат Пьера, казалось бы, похожи на поступки Долохова или Анатоля, как и «гусарство» Николая Ростова или Денисова. Но за внешним сходством таится различие. Душевная широта, открытость, причастность через страсть, через азарт к полноте бытия противопоставлены душевной ограниченности, самовлюбленности, притворству.

Не идеален в изображении Толстого и народ. Хозяин постоянного двора Ферапонтов, поджигающий дом, чтобы он не достался французам (и это для автора поступок, исполненный широты и даже величия), жестоко «в патриотическом озверении» избивает жену, предло-

жившую до прихода Наполеона покинуть Смоленск. Против Наполеона поднимается «дубина народной войны». Но богучарские мужики бунтуют, не желая отпускать свою госпожу (совсем не тиранку), и хотят приветствовать «освободителя Наполеона». Единому чувству, «скрытой теплоте патриотизма», согревающей души солдат перед Бородинским сражением, противопоставлена тупая, дикая ярость толпы, дерущейся за царские бисквиты или забивающей насмерть несчастного «шпиона» Верецагина.

В романе Толстого уравниены в своем значении исторические сцены и сцены частной, семейной жизни. Толстой одинаково подробно описывает Аустерлицкое сражение, битву при Бородине, военный совет штаба русской армии в Филях и первый бал Наташи Ростовской, охоту старого графа Ростова и разговоры Пьера и Наташи о здоровье детей. «Исторические» главы в «Войне и мире» чередуются с «семейными». Толстой воспринимает происходящее именно с точки зрения частного, «постороннего» человека, а не с точки зрения полководца или государственного деятеля. Так, Бородинское сражение увидено глазами штатского человека – Пьера Безухова, ничего не понимающего в военной науке.

«Ослепительная сторона романа именно и заключается в естественности и простоте, с какими он низводит мировые события и крупные явления общественной жизни до уровня и горизонта зрения всякого выбранного им свидетеля. Великолепная картина Тильзитского свидания, например, вращается у него, как на природной оси своей, около юнкера или корнета, графа Ростова, ощущения которого по этому поводу составляют как бы продолжение самой сцены и необходимый к ней комментарий. Без всякого признака насилования жизни и обычного ее хода роман учреждает постоянную связь между любовными и другими похождениями своих лиц и Кутузовым, Багратионом, между историческими фактами громадного значения, Шенграбеном, Аустерлицем и тревожениями московского аристократического кружка, будничным строй которого они не в состоянии одолеть, как не в состоянии одолеть и вечных стремлений человеческого сердца к любви, деятельности, наслаждению», – так отметил эти черты романа критик П. В. Анненков¹.

В представлении Толстого частная, семейная жизнь обыкновенных людей – такое же историческое событие, достойное внимания историка и писателя не меньше, чем переговоры царей и дипломатов или военные победы. «Для Толстого, – замечает исследователь

¹ Анненков П. В. Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война мир» // Война из-за «Войны и мира». С. 46–47.

“Войны и мира” С. Г. Бочаров, — предметы и эпизоды в романе не распределяются по степени значимости в зависимости от того, изображают ли они домашний быт или историческое событие. В “Войне и мире” Толстой как раз развенчал историю, отделенную от простого быта людей, и всю вообще искусственную иерархию исторической и частной жизни как явлений высшего и низшего ранга. У Толстого, опровергающего привычку расценивать вещи по рангам, привитую людям официальным обществом, принципиально соизмеримы и равноценны в своей значительности сцены семейные и исторические, и само разделение это еще очень внешнее, хотя оно и напрашивается. <...> Существует, по Толстому, единая жизнь людей, ее простое и общее содержание, коренная для нее ситуация, которая может раскрыться так же глубоко в событии бытовом и семейном, как и в событии, которое называется историческим. Эпизоды “Войны и мира” связаны между собой прежде всего не единством действия, в котором участвуют одни и те же герои, как в обычном романе; эти связи имеют вторичный характер и сами определяются другой, более скрытой, внутренней связью. С точки зрения поэтики романа, действие в “Войне и мире” очень несосредоточенно и несобранно. Оно развивается параллельными линиями; связь внутренняя, составляющая “основу сцепления”, заключается в ситуации, основной ситуации человеческой жизни, которую вскрывает Толстой в самых разных ее проявлениях и событиях¹.

Понимание Толстым исторического значения частной жизни отчетливо выражено в строках об «истории-искусстве», написанных уже после окончания «Войны и мира»: «История-искусство, как и всякое искусство, идет не вширь, а вглубь, и предмет ее может быть описание жизни всей Европы и описание месяца жизни одного мужика в XVI веке».

«Официальную» историю «великих людей» Толстой беспощадно изобличает. Работая над романом, он записывает в дневник: «Я зачитался историей Наполеона и Александра. Сейчас меня облаком радости сознания возможности сделать великую вещь охватила мысль написать психологическую историю: роман Александра и Наполеона. Всю подлость, всю фразу, все безумие, все противоречие людей, их окружавших, и их самих». Исторические сочинения и мемуары Толстой штудировал внимательнейшим образом. Как он писал без всякого

1 Бочаров С. Г. Роман Л. Толстого «Война и мир // Война из-за «Войны и мира». С. 358–359. О поэтике соотносительности сюжетных линий и эпизодов в «Войне и мире» см. также: Камянов В. И. Поэтический мир эпоса: О романе Л. Толстого «Война и мир». М., 1978. Связь историософских глав и сюжетного повествования прослежена А. А. Сабуровым: Сабуров А. А. «Война и мир» Л. Н. Толстого: Проблематика и поэтика. М., 1959.

преувеличения: «Везде, где в моем романе говорят и действуют исторические лица, я пользовался материалами, из которых у меня во время моей работы образовалась целая библиотека книг, заглавия которых я не найду в удобности выписывать здесь, но на которые я могу сослаться».

Свою задачу при изображении исторических лиц автор сформулировал в статье «Несколько слов по поводу книги “Война и мир”»: «Историк и художник, описывая историческую эпоху, имеют два совершенно различные предмета <...> Историк обязан иногда, пригибая истину, подводить все действия исторического лица под одну идею, которую он вложил в это лицо. Художник, напротив, в самой одиночности этой идеи видит несообразность с своей задачей и старается только понять и показать не известного деятеля, а человека... Все это я говорю к тому, чтобы показать неизбежность лжи в военных описаниях, служащих материалом для военных историков, и потому показать неизбежность частых несогласий художника с историком в понимании исторических событий».

Соединение “семейных” глав с развернутым описанием исторических событий, соединение в “Войне и мире” нескольких сюжетных линий, включение в ее текст многих десятков персонажей были чертами совершенно новыми для современного Толстому романа. Позднейшие исследователи назвали “Войну и мир” романом-эпопеей¹.

В историко-философских главах “Войны и мира” писатель раскрывает свое понимание смысла и законов истории². По его мнению, исторические события определяются совпадением множества причин, и потому люди не установят причины этих событий. Толстой ожесточенно и язвительно полемизирует с мнением о решающей роли великих людей — царей, полководцев, дипломатов — в истории. Чем выше место человека в обществе и в государстве, тем с большим числом обстоятельств он должен считаться, — замечает Толстой. Подлинно великий человек не вмешивается в таинственный, не постижимый умом ход истории. Он только ощущает сердцем ее законы и стремится не мешать ходу событий. Именно таков в изображении

1 См.: Чичерин А. В. Возникновение романа-эпопеи. Изд. 2-е. М., 1975. «Эпопеи» называли толстовское сочинение уже первые рецензенты. — Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. М., 1957. С. 823. Развернутое объяснение жанра «Войны и мира» как одновременно «семейной хроники» и «эпопеи» дал критик Н. Н. Страхов в цикле из четырех статей о «Войне и мире»: *Страхов Н. Н. Литературная критика*. С. 263—358.

2 Историческая концепция Толстого не была неким чудачеством. В 1868 г. автор «Войны и мира» писал историку и литератору М. П. Погодину об этих воззрениях: «взгляд на историю» — «плод всей умственной работы» его жизни и образует «нераздельную часть того мирозерцания, которое Бог один знает, какими трудами и страданиями выработалось во мне <...>».

Толстого Кутузов, не заботящийся о военных планах, ведущий себя пассивно и рассеянно накануне решающих сражений. И именно поэтому, убеждает писатель, победитель — Кутузов, а не Наполеон, тщательно разрабатывавший военные планы, но не ощущающий скрытого хода событий, забывший, что нравственная правота в войне 1812 года — на стороне русских. Толстой отвергал историческую науку, считая ее шарлатанством. Он допускал, что движение истории определяется не волей людей, а Провидением, Судьбой¹.

В жизни «частных» людей — вымышленных персонажей — этому сверх- и внерациональному стихийному началу соответствует *случай*, разбивающий все ожидания. Андрей Болконский на поле Аустерлица нискал столь дорогую для него еще мгновение назад похвалу Наполеона — и осознал ничтожество недавнего кумира. Пьер женился на Элен, а вместо счастья обрел муки ревности и оскорбленного достоинства. Ранение им Долохова на дуэли внезапно вызывает не злую радость, не удовлетворение мести, но ощущение бессмысленности существования. Вместо задуманного убийства Наполеона — в основе этого плана одержимость «наполеоновской» идеей героического поступка, как когда-то у князя Андрея — Пьер спасает девочку и защищает женщину от французских солдат. Добрые поступки Пьера увенчивает отнюдь не «награда», ожидаемая читателем, привыкшим к традиционным сюжетам. Безухов попадает в плен, и лишь чудо, чудо человеческого понимания и сострадания — милосердие, вдруг проявленное жестоким маршалом Даву, — спасает его от расстрела. И вот в плену, на

1 Однако идея Провидения была для Толстого не предметом веры или убеждения, а всего лишь гипотезой, почти метафорой, принимаемой при отсутствии иных объяснений (об этом прямо сказано на страницах «Войны и мира»).

Толстовская философия история не была абсолютно оригинальной и новой. Как показал Б. М. Эйхенбаум, на автора «Войны и мира» повлияли идеи нескольких очень разных авторов — французского анархиста Ж. Прудона (одна из книг которого, знакомая Толстому, так и называется «Война и мир»), французского консервативного мыслителя Ж. де Местра, английского историка Г. Т. Бокля, русского историка М. П. Погодина, близкого к славянофилам историка-дилетанта и математика князя С. С. Урусова. — *Эйхенбаум Б. М.* Лев Толстой. Кн. 2. С. 281–384.

Впрочем, сходство историософии Толстого с идеями Бокля, Погодина или Урусова, по-видимому, не стоит преувеличивать: во многом это совпадение в частности или в языке описания. См. об этом: *Лурье Я. С.* Исторический «атомизм» в «Войне и мире» // *Лурье Я. С.* После Льва Толстого: Исторические воззрения Толстого и проблемы XX века. СПб., 1993. Я. С. Лурье показывает и отличие толстовского понимания роли народа в войне 1812 г. от славянофильского представления о народе: по Толстому, не мистическое начало, не религиозный подъем, а обыкновенные простые человеческие стремления, сложившись воедино, привели к изгнанию армии Наполеона из России.

Противоречия толстовской историософии, о которых писали критики и обыкновенно пишут исследователи, Я. С. Лурье считает мнимыми.

этапе происходит встреча с Платоном Каратаевым, может быть, главная в жизни Пьера. Некая высшая сила, которую принято именовать Провидением, прикрываясь личиной случая, ведет героев.

О том, что Лев Толстой в «Войне и мире» опоэтизировал мир «старого барства», писали еще литературные критики – современники автора. О консерватизме общественной позиции Толстого, с симпатией изобразившего мир патриархального дворянства и как бы не заметившего явлений, обозначаемых штампом «ужасы крепостничества», было много сказано в книгах В. Б. Шкловского и Б. М. Эйхенбаума (эти работы были изданы еще во второй половине 1920 – начале 1930-х гг.)¹. Но, может быть, самое интересное при изучении с этой точки зрения «Войны и мира» – с какими литературными произведениями при этом полемизировал писатель, какие художественные образы других авторов он словно бы истолковал по-новому в своем романе.

На одну переключку еще давно обратил внимание такой внимательный читатель и тонкий критик, как В. В. Розанов. В статье «Горе от ума» (1899) он заметил, что «в «Войне и мире», которая имеет тею обзор и критику именно критикуемой и Грибоедовым эпохи, есть фраза» о барыне, покидающей Москву со своими арапами и шутихами – несомненный отголосок слов Хлестовой о приобретенной ею «арапке»². Но если в «Горе от ума» мода на «девок-арапок» подана как отвратительная черта дикого «века минувшего», то Толстой видит в упомянутой им барыне (а ее образ – собирательный) проявление столь ему дорогого «скрытого патриотизма». Такая старозаветная дворянка и ей подобные не захотели оставаться в первопрестольной под властью Наполеона, и без поступка этой дворянки не было бы победы в войне 1812 года.

Но Розанов решил, что эта переключка и различие в трактовке московской барыни – хозяйки «арапов» Грибоедовым и Толстым отнюдь не следствие сознательной полемики создателя «Войны и мира» с автором «Горя от ума»: «Мы прикидываем все это примерно; говорим,

1 Шкловский В. Матерьял и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М., [1928]. С. 76–85; Эйхенбаум Б. М. Лев Толстой. Кн. 2. С. 391–394. «<...> [С]оциальный архаист, Толстой сатирически изображает придворную и военную аристократию» <...>, а аристократию поместную, землевладельческую изображает сочувственно и <...> сливает помещика и крестьянина в одно целое» (Там же. С. 392). Здесь же – анализ окликов на «Войну и мир» в «левой» и «правой» критике (роман не устраивает большинство как «левых», так и «правых» критиков). Б. М. Эйхенбаум доказывает, что социальные воззрения Толстого этого периода носят отпечаток взглядов немецкого философа А. Рия.

2 «Век нынешний и век минувший...»: Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 227.

что в пьесе есть какое-то недоумение в понимании своей эпохи, как на это можно указать, ссылаясь на невольную критику ее в “Войне и мире” <...>»¹.

Спустя почти пятьдесят лет после Розанова, в 1941 г. емко и точно толстовскую трактовку Грибоедовской Москвы охарактеризовала писательница из первой послереволюционной эмиграции Н. Н. Берберова: «Еще о “Войне и мире”».

Фамусовская Москва, с Ростовым-Фамусовым, и Тугоуховские, и Репетиловы — все налицо. Толстой как бы благословил то, что Грибоедов бичевал»².

На самом деле полемика в изображении «старого барства» есть: Толстой полемизирует — причем вполне осознанно — не только с Грибоедовым, но и еще со многими произведениями русской литературы, в которых отражены взгляды, которые — не ища более точных определений — можно назвать либеральными и прогрессистскими.

Вот пассаж из третьего тома «Войны и мира»: «Та барыня, которая еще в июне месяца с своими арапами и шутихами поднималась из Москвы в саратовскую деревню, с смутным сознанием того, что она Бонапарту не слуга, и со страхом, чтобы ее не остановили по приказанию графа Ростопчина, делала просто и истинно то великое дело, которое спасло Россию» (т. 3, ч. 3, гл. V).

А в какой пьесе Грибоедова старуха Хлестова вспоминает о своей чернокожей служанке: «Какая у меня арапка для услуг: / Курчавая! горбом лопатки! / Сердитая! все кошачьи ухватки! / Да как черна! да как страшна!»

Рассказ Хлестовой весьма красноречив. Прежде всего, эта большая барыня вместе с сестрой (им обоим достал слуг-«арапов» угодливый Загорецкий) привержена старинной моде прошлого, «минувшего» века на чернокожих слуг. Хлестова — одна из тех, о ком в финале Чацкий скажет как о «старухах зловещих, стариках, / Дряхлеющих над выдумками, вздором» (д. 4, явл. 14). Кроме того, отношение к «арапам» как к полуплюдам-полуживотным свидетельствует о «варварстве», «дикости» этого грибоедовского персонажа. И, наконец, Хлестова ради желания иметь служанку-«арапку» готова прибегнуть к услугам такого отвратительного человека, как Загорецкий. Она безнравственна.

Между тем у Толстого владение «арапами» — не более чем историческая деталь, признак времени. Сама по себе она не говорит о человеке ни хорошо, ни плохо. Хозяйка чернокожей прислуги может быть истинной патриоткой.

1 А. С. Грибоедов. «Горе от ума» в русской критике и литературоведении. СПб., 2002. С. 232.

2 Берберова Н. Н. Курсив мой: Автобиография. М., 1996. С. 471.

Полемические переключки с «Горем от ума» в этом фрагменте толстовского романа очевидны. Московская барыня не случайно направляется именно в саратовскую деревню: «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» грозитя отослать Софью Фамусов. Безымянная барыня из толстовского романа оказывается едва ли не Софьиной тетушкой.

И еще о слугах. Среди слуг старого графа Ильи Андреевича Ростова имеется шут по прозвищу Настасья Ивановна. Для либерального сознания шуты — беспорное свидетельство бесчеловечности и развращенности их господ, попирающих человеческое достоинство слуг, вынужденных играть эту унижительную роль. «Гаеры», шуты — одна из отвратительных черт крепостнического быта в некрасовском стихотворении «Родина». У Толстого же и это — выразительная и даже экзотически милая черта старинных нравов. А шут Настасья Ивановна отнюдь не чувствует себя униженным.

Грибоедовская Хлестова отличается прежде всего бесцеремонностью и резкостью. О Чацком она прилюдно замечает: «Я за уши его дирала, только мало». В «Войне и мире» есть подобная бесцеремонная московская дама, Марья Дмитриевна Ахросимова. Но только не в пример Хлестовой она добра и мудра, именно она предотвращает увоз Наташи Анатодем Курагиным, она выносит резкий приговор безнравственному замыслу Элен выйти замуж при живом муже, Пьере Безухове. Злоязычная и грубоватая, но справедливая, Ахросимова оказывается в великосветском Петербурге в том же положении, что и Чацкий в старозаветной Москве: в обоих видят «шутов».

В своей комедии Грибоедов направил всю желчь сатиры и соль острот против патриархальной Москвы, приравняв патриархальность к «дикости». Толстой же дорожил естественностью в старинных нраве и быте, по контрасту низко оценивая великосветский Петербург, чопорный, лицемерный, мертвенный: «В числе бесчисленных подразделений, которые можно сделать в явлениях жизни, можно подразделить их все на такие, в которых преобладает содержание, другие — в которых преобладает форма. К числу таковых, в противоположность деревенской, земской, губернской, даже московской жизни, можно отнести жизнь петербургскую, в особенности салонную. Эта жизнь неизменна» (т. 3, ч. 2, гл. VI).

Вот хлебосольный московский барин, милый в своей простоте и безалаберности старый граф Ростов радостно внимает всем ораторам в московском Дворянском собрании в 1812 г. и не замечает, что они противоречат друг другу: «<...> только Илья Андреич был доволен речью Пьера, как он был доволен речью моряка, сенатора и вообще всегда тою речью, которую он последнеу слышал» (т. 3, ч. 1, гл. XXII).

Чем не Павел Афанасьевич Фамусов, завсегда́тай Английского клуба? Только хороший Фамусов.

Да и сам автор, не боясь обвинений в ретроградстве и косности, готов подать себя этаким симпатичным Фамусовым или Скалозубом: «Только в наше самоуверенное время популяризации знаний, благодаря сильнейшему орудию невежества — распространению книгопечатания вопрос о свободе воли сведен на такую почву, на которой и не может быть самого вопроса. В наше время большинство так называемых передовых людей, то есть толпа невежд <...>» (Эпилог, ч. 2, гл. VIII). Книги сжечь или фельдфебеля в Волтеры дать создатель «Войны и мира» не предлагает, но просвещение, перед которым благоговел Чацкий, не жалуется...

Чем заняты любимые автором Ростовы? Одно из самых дорогих их душе занятий — псовая охота. Охотятся с размахом: «Всех гончих выведено было пятьдесят четыре собаки, под которыми доезжачими и выжлятниками выехало шесть человек. Борзятников, кроме господ, было восемь человек, за которыми рыскало более сорока борзых, так что с господскими сворами выехало в поле около ста тридцати собак и двадцати конных охотников» (т. 2, ч. 4, гл. IV). Охотятся с азартом.

О поэтизации Толстым псовой охоты резко отозвался Д.И. Писарев, увидев в охотничьем азарте отказ человека от общественных задач и от решения серьезных жизненных вопросов: «Кто не оставивается на веселой наружности явлений, того шумная и оживленная сцена охоты наведет на самые печальные размышления. Если такая малость, такая дрянь, как борьба волка с несколькими собаками, может доставить человеку полный комплект сильных ощущений, от иступленного отчаяния до безумной радости, со всеми промежуточными полутонами и переливами, то зачем же этот человек будет заботиться о расширении и углублении своей жизни? Зачем ему искать себе работы, зачем ему создавать себе интересы в обширном и бурном море общественной жизни, когда конюшня, псарня и ближайший лес с избытком удовлетворяют всем потребностям его нервной системы?»¹

После охоты Ростовы приезжают в дом к дядюшке: «Через переднюю дядюшка провел своих гостей в маленькую залу с складным столом и красными стульями, потом в гостиную с березовым круглым столом и диваном, потом в кабинет с оборванным диваном, истасканным ковром и с портретами Суворова, отца и матери хозяина и его самого в военном мундире. В кабинете слышался сильный запах табаку и собак.

1 Война из-за «Войны и мира». С. 94.